

УДК 22.03.336

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.23>

Лес и город: территориализация и коммуникация

С. А. Азаренко

*Уральский федеральный университет им. первого Президента Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Аннотация. Рассматривается топологическая связь леса (*гиле*) и города. Это отношение «территориализации – детерриториализации – ретерриториализации» (Делёз – Гваттари). Показано, как происходит конституирование территории под влиянием социальной коммуникации. Воспроизводство социальности реализуется посредством регулярного взаимодействия тел между людьми благодаря какой-либо социальной практике, в ходе которой возникает определенное со-общение, при-общающее людей к со-обществу с определенными ценностями и представлениями. Определяющим процессом в развитии тех или иных социальных и культурных форм является бытие-в-коммуникации. В Древней Греции город для своего формирования «отымал» пространство от леса, образуя благоприятную среду для создания «чистого» пространства коммуникации, способствующую уникальному подъему культуры. В настоящее время экологическая ситуация диктует потребность «лесом» озеленять города, при этом действенная сила социальной коммуникации может обеспечиваться современными формами электронной коммуникации. На лесных пространствах России устройство городов возможно прямо в лесной зоне, где основные связи между людьми будут осуществляться посредством телекоммуникаций. И более того, Интернет практически совершает замещение различных государственных структур – почты, банка, правительства и пр. Этот процесс больше всего может быть уместным в условиях «лесных» умных городов. Интернет подводит к тому, чтобы происходило замещение власти посредством интернет-пространства. То есть телекоммуникации способствуют переходу от централизованной власти к самоуправлению народа.

Ключевые слова: территориализация, детерриториализация, ретерриториализация, лес (гиле), город, социальная коммуникация, бытие-в-коммуникации.

Для цитирования: Азаренко С. А. Лес и город: территориализация и коммуникация // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 23–31.
<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.23>

Лес (*гиле*) у Аристотеля – это первоматерия, это энергия мира, мать-материя, порождающая всё. В. В. Библихин отмечал: «Опыт леса как поглощаемого, сжигаемого для получения разнообразной энергии, формируемого вещества предопределил использование соответствующего термина (*гиле*) для обозначения материи... Лес с его неметрическим пространством через мечты о первобытном, лесном, косматом человеке, через мифопоэтику мирового дерева, через возвращение в нашей современности оторвавшихся от природы человеческих масс к эрзацам леса в табаке, вине и наркотиках принадлежит к реалиям современного человечества в гораздо большей мере, чем это принято признавать. В философских концепциях *гиле*, материи, в религии и богословии

(крест как мировое дерево), в поэзии (образы дерева, куста, сада) лес обнаруживает недостаточно понятую интенсивность присутствия» [2, с. 6]. Лес – это та сила, без которой человек не может обойтись, и одновременно та сила, что надвигается на него (в том числе и изнутри) и стремится поглотить. Это то, что вызывает к городу, к тому, что ограждает человека от этого поглощения. Можно сказать, что лес и город топологически соотносятся как земля и территория.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари замечают, что земля постоянно производит на месте движение детерриториализации, это движение, желающее превзойти пределы территории. Землю нельзя понимать как стихию среди других стихий, она заключает все стихии в нечто единое, используя ту или иную из них, чтобы территорию детерриториализовать. Движения детерриториализации слитны с территорией, раскрывающейся вовне, а движение ретерриториализации слитно с землей, которая территорию восстанавливает. Территория и земля постоянно распространяются через две области неразличимости – ретерриториализацию (движение от земли к территории) и детерриториализацию (движение от территории к земле) [5]. Территориализация, детерриториализация и ретерриториализация – это процессы, которые постоянно функционируют во взаимораскрытии и во взаимосвязи. Это обстоятельство впервые было оценено древними греками, у которых впервые в формировании территории сработал такой человеческий фактор, как социальная коммуникация. Нехватка плодородных земель толкала греков на освоение новых, т. е. на детерриториализацию. Освоенная территория Малой Азии выросшими хлебами ретерриториализовывалась на континентальной Греции, что способствовало развитию торговых сетей. Детерриториализация имперского государства имела лишь один вектор ретерриториализации, связанный с наполнением дворцовых запасов.

Делёз и Гваттари отмечают, что «государство» и «полис» производят детерриториализацию, потому что в первом уравниваются и собираются сельские территории, соотносясь с верховным арифметическим Единством, а во втором территория приспособляется к геометрической протяженности, продлеваемой бесконечно по торговым путям. Имперское *spatium*-пространство государства или политическая *extension*-протяженность полиса – это не просто территориальные измерения, а не что иное, как детерриториализация, которая особенно явно проявляет себя, когда государство овладевает территорией локальных групп или же когда город отходит от своего сельского окружения; в первом варианте местом ретерриториализации устанавливается царский дворец и дворцовые запасы, во втором – площадь города и торговые сети [5].

Территория Древней Греции – место собирания особой открытой социальной коммуникации во всем объеме ее составляющих: географических, экономических, политических, культурных. В истории можно обнаружить действие подлинно созидательной силы – это сила социальной коммуникации. Попробуем в дальнейшем под социально-онтологическим углом зрения взглянуть на социальную коммуникацию, где ее мы будем рассматривать в качестве сложного многомерного процесса, через посредство которого реализует себя исторический процесс в целом. Для этого мы предварительно проясним то, что понимаем под социальной коммуникацией, а затем на примере Древней Греции

покажем, как социальная коммуникация способствовала расцвету территориальности ее культуры.

Социальную коммуникацию нужно представлять в качестве изначальной социальной силы, которая упреждает и социальные институты, и практики, способствуя порождению социального бытия в целом. Заметим сразу, что коммуникация для нас – это взаимодействие между людьми, которое опосредовано символическими системами [8]. Согласно социальной онтологии быть – значит быть в сообщаемом отношении. «Сообщаемость» выступает в качестве категории онтологической, а не лингвистической. Она предполагает людей в телесном качестве, взаимодействующих в каких-то местностях и совместностях. Сообщаемость непредставима без знаков и без языка, но, говоря о знаках и языке, необходимо их рассматривать встроенными в онтологию социального бытия. Именно это и сделал в современности М. Хайдеггер, создавая свою фундаментальную онтологию. В «Бытии и времени» он проанализировал знак (§ 17) и язык (§ 34) как необходимые элементы бытия-вместе [9]. Поэтому сообщаемость нельзя понимать как обмен «значениями» или «смыслами» в семиотическом смысле. Поскольку взаимодействие людей захватывает их во всем теле, месте и интересующем их положении вещей.

Согласно Хайдеггеру, окружающие нас вещи предстают не как объекты с определенными свойствами, а не что иное, как подручные средства. Следовательно, вещи для человека существуют еще до всяких каких-то «значений». Подручность означает то, что имеется под рукой нашего тела, то, что мы можем проективно использовать и дано в употребление. Подручное средство М. Хайдеггер видит и в знаке, который служит подспорьем в связи между людьми и ориентированию в пространстве их взаимодействий. В «Бытии и времени» в параграфе *Отсылание и знак* он замечает, что знаки являются средствами, чье особенное свойство состоит в *указывании*. Таковыми *указываниями* являются межевые камни, дорожные указатели, знамена, сигналы и проч. Образцом для знака Хайдеггер избирает красную поворотную стрелку, которую в его времена устанавливали на автомобилях, чье положение в определенный момент, например на перекрестке, показывает, какое машине направление необходимо взять. Красная поворотная стрелка есть не более и не менее, как продолжение человеческой руки, которая указывает другому телу, какое направление ему следует взять или где следует остановиться. Таким образом, знак определяет, каким образом одно тело может согласовать свои действия с другим телом, тем самым знак помогает людям достигать взаимопонимания. Позже Ю. Хабермас, разъясняя особенности социальной коммуникации, предлагал пример с двумя велосипедистами, которые на высокой скорости выкруливают из-за поворота друг на друга. Чтобы не разбиться их телам, необходимо выбрать взаиморасположение относительно друг друга. Следовательно, коммуникация служит согласованию действий между людьми по взаиморасположенности.

Экзистенциально-онтологическая фундаментальность языка, по Хайдеггеру, заключена в речи. Речь понимается из совместного характера бытия людей. Речь представляет собой «членение понятности бытия-в-мире», на котором основывается событие, которое придерживается определенного «озаботившегося

бытия-друг-с-другом». «Сущность языка» не выводится из идей «выражения», «символической формы», «высказывания», она выводится из сообщаемости людей в совместном способе бытия. Сообщаемость невозможна без «слышания». Мы не случайно говорим, когда что-то не расслышали, что не поняли. В слышании-друг-друга складывается событие, к которому в такой же мере принадлежат неслышание, противоречия, упрямство и т. п. К слышанию примыкает прислушивание, оно равным образом обращено как внутрь тела, к его состояниям, так и к окружающим человека шумам. Мы никогда не слышим просто шумы, но слышим скрипящую телегу, мотоцикл, колонну на марше, стук дятла, потрескивание огня. В западной традиции складывается приоритетное положение «видения» над «слышанием».

Событийность, или совместность бытия, людей лежит в основе человеческой сообщаемости. Проясняя содержание бытия не как бытия вообще, но как бытия-в-мире, Хайдеггер представляет его как бытие-друг-с-другом, т. е. как совместность или со-бытие. Как раз в повседневности это совместное вот-бытие характеризуется своей погруженностью в мир озабоченности. В самом деле, инструмент, которым я пользуюсь, был приобретен у кого-то; книга была подарена кем-то; зонт был кем-то оставлен у меня. Такой род бытия-друг-с-другом являет форму со-бытия как зависимости-друг-от-друга.

Коммуникация, согласно Ж. Делёзу, совершается на уровне событий и вне момента каузированности [5]. При этом имеется зацепление скорее не причинных соответствий, порождающих определенный строй отголосков, повторений и резонансов, порядок знаков. События не являются понятиями, и противоречивость, приписываемая им (присущая понятиям), есть следствие их несовместимости. Расхождение и схождение суть целиком исконные отношения, которые покрывают обильную сферу нелогичных совместимостей и несовместимостей. Дистанция, которая здесь имеет место, есть определенная позитивность между различными элементами, связывающая их вместе в силу их различия (как, например, различие с врагом не отрицает меня, но утверждает и позволяет быть перед ним собранным). И тогда несовозможность представляет собой средство коммуникации. В этом случае дизъюнкция не превращается в простую конъюнкцию.

Делёз указывает на три различных варианта синтеза: синтез коннективный (если... то), сопутствующий созданию единичной серии; синтез конъюнктивный (и) – тип создания сходящихся серий; синтез дизъюнктивный (или), размечающий расходящиеся серии. Дизъюнкция становится действительно синтезом тогда, когда децентрирование и расхождение, которое задается дизъюнкцией, превращаются в объекты утверждения. Взамен устранения отдельных предикатов вещи для сохранения тождества ее понятия каждая вещь разворачивается навстречу беспредельным предикатам, через которые она проступает, теряет свой центр, свою самотождественность в качестве Я или понятия. Взамен устранения предикатов наступает коммуникация событий.

В качестве ведущей знаковой системы в обществе выступает язык. А язык, по Ж.-Л. Нанси, не есть инструмент коммуникации, как и коммуникация не является инструментом бытия, но коммуникация и *есть* бытие [7]. «Жить-с»,

«говорить-с», так же как и «спать-с» или «выходить-с», вводится в говорение для того, чтобы выразить коммуникацию как само бытие. Будем называть это бытие как *бытие-в-коммуникации*. Группа или индивид – это такие множественности, бытие которых основано на механизмах самовоспроизводящейся и самоорганизующейся коммуникации. В такой коммуникации смыслы и всевозможные нормы не предваряют, а возникают в самих отношениях, согласно положениям Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ж.-Л. Нанси. Таким образом, эти самые отношения и являются первичными. Необходимо понимать, что в сохраняющейся традиции определенная часть базовых смыслов входит в смыслы текущей коммуникации. Акторами коммуникации в сети отношений являются ответственные участники взаимодействия, а не полагающие себя субъекты. Социальность порождается во время постоянного телесного взаимодействия между людьми с помощью определенной социальной практики, вследствие которой рождается определенное со-общение, которое способствует при-общению людей к со-обществу с какими-то конкретными представлениями и ценностями. Таким образом, определяющим процессом в развитии тех или иных социальных и культурных форм является бытие-в-коммуникации.

Древняя Греция – прежде всего это территория складывания открытого взаимодействия, которое было вызвано ее географическим местоположением, культурными и социально-политическими преобразованиями. Географический фактор диктовал пространство контактов для экономического роста, в социально-политической среде произошло разрушение царской власти, становление города-государства с преодолением иерархии между «верхом» и «низом», породившим ситуацию гражданского равенства. А в культурном отношении этому способствовало появление Олимпийских и Пифийских игр, театра и философии. Место, по Хайдеггеру, надо понимать как собирающее место, что зачастую в качестве собранного скрывает свою сущность и, следовательно, требует вскрытия тех элементов, из которых оно собиралось [10]. П. Флоренский в Лекции 1 по античной философии писал: «... греческая философия развивалась не на суше, а на море, или лучше сказать, на границах моря и суши, по берегам их. Она – морское или приморское существо. Море – вот стихия античной философии. Философия родилась из моря. Вы увидите впоследствии, что основная идея философии вышла из религиозной концепции моря. Море должно было оплодотворить сушу, чтобы явилась философия. Биологи утверждают, что и вообще вся жизнь вышла из моря» [11, с. 10].

В лекции 10 Флоренский продолжит свое размышление, показывая, как из культа Посейдона появится идея о первичности воды у Фалеса [11]. Философская рефлексия, согласно Флоренскому, засияла именно на периферии греческого мира в Ионии в Малой Азии, поскольку здесь греческое сознание оказалось на перекрестье различения своих мировоззренческих установок с восточными.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари особенно подчеркивали, что именно в ситуации свободной коммуникации происходило рождение европейского философствования, которое возникает в среде друзей, коммуницирующих без всякого предзаданного интереса и вне какой-либо иерархии. Это способствовало появлению «чистого» поля общения, которое порождало любовь к бесконечному

обмену мнениями. Делёз и Гваттари писали, что эмигранты в греческой среде нашли: в первую очередь чистую общительность как область имманентности, противостоявшую высшему имперскому владыке и не предполагавшую никакого predetermined интереса, поскольку она сама предполагалась противоборствующими интересами; во вторую очередь особое удовлетворение от ассоциации друзей, но также и от разлада ассоциации, которое составляло суть соперничества; в третью очередь невиданную в империи любовь к беседе и к обмену мнениями [6]. В философии наконец, заметим мы, происходит ретерриториализация самого леса как *гиле* во всем объеме его содержания (ибо земля полнится деревьями, нефтью, углем, таящими в себе энергии) в понятии «материя» у Аристотеля.

Образование в Греции открытой коммуникативной среды, думается, происходило в условиях перехода с военных действий на состязательные спортивные действия на Олимпиадах (VIII в. до н. э.). В традиционных обществах война являлась состязанием аристократов, которые были носителями «аритэ» – доблести, дарованной богами. Материальное благополучие греков помогало появлению свободного времени у аристократов, которые состязательность перенесли в спортивную область. И таким образом появились Олимпийские игры. Физические упражнения в древности находили развитие в таких странах, как Египет, Индия и Китай, но у них они были либо лечебной гимнастикой, либо системой единоборств. В Греции они приняли характер состязательности в доблести.

На время Олимпиад заключалось священное перемирие. «Насильственная» материя-энергия, дремавшая в недрах мужского тела, из области истребительной войны ретерриториализировалась на ниву созидания. Именно здесь происходило формирование особо открытого пространства коммуникации. Олимпийские и Пифийские игры находились в тесной связи с греческими полисами, в состязаниях принимали участие эфебы (лучшие образованные юноши) из гимнасий полисов. В свою очередь полис с агорой, храмом, гимнасией, театром изымал у леса-материи этими пространственными формами территории, воплощая логику детерриториализации и ретерриториализации, являясь при этом благоприятной питательной средой для развития социальной коммуникации во всем объеме ее содержания культурных, экономических и политических составляющих.

П. Видаль-Накэ замечал, что классическая Греция не цивилизация письма, а цивилизация слова и, как это ни парадоксально, письмо в ней было все той же формой устного слова. Полис создал абсолютно новое социальное пространство с центром на публичной площади – на *агоре*, где обсуждались проблемы, волнующие всех, пространство, где власть находилась не скрытой во дворце, а «посередине» публичного пространства. Как раз «посередине» стоял оратор, считалось, что он выступал от лица всех [3]. В полисе устное слово превращалось в основной инструмент политической коммуникации. Слово переставало быть ритуальным заклинанием, хотя зачастую оно обретало форму хитрости или лжи. Было принято, что трехкратно победивший спортсмен на олимпийских состязаниях должен воздвигнуть статую и организовать пир, что также способствовало концентрированию коммуникации в пространстве культуры.

Лучшую скульптуру в условиях жесткой конкуренции выбирал «художественный совет», состоящий из самих скульпторов. После чего победитель собирал «пир», где было не принято говорить о семье, жене, детях и политике, а только «философствовали» о «главном». Олимпиады сыграли огромную роль в создании единого культурного пространства Греции, которая слагалась из немалого числа обособленных полисов. П. Д. Волкова называла это олимпийской демократией [4].

Таким образом, созидательный процесс культуры обязан многомерной созидательной силе социальной коммуникации, способствующей формированию неповторимого места культуры того или иного сообщества. В Древней Греции город для своего формирования «отымал» пространство от леса, образуя благоприятную среду для создания «чистого» пространства коммуникации. В настоящее время экологическая ситуация диктует потребность «лесом» озеленять города, при этом действенная сила социальной коммуникации может обеспечиваться современными формами электронной коммуникации. Вполне представимо на лесных пространствах России (это тайга – 60 % площади, смешанные и широколиственные леса, лесостепь) устройство умных городов прямо в лесной зоне, где основные связи между людьми будут осуществляться посредством телекоммуникаций, где бы лучше всего реализовывались принципы не внешнего контроля за гражданами, а самоуправления, участие самих жителей в жизни двора, района, города. В таком городе для управления имуществом города, школы, больницы, библиотеки, транспорта, системы водоснабжения, управления отходами правоохранительные органы и другие общественные службы самоуправлялись бы путем информационно-коммуникативных технологий. В современности благодаря электронным технологиям наблюдается действие некоей системы «всевидения» и «всеслышания» власти. Власть, как ей думается, берется вооружить себя эффективными средствами властвования, но на деле происходит нечто обратное. Желая сделать все прозрачным при помощи системы «всевидения» и «всеслышания», власть сама со всей своей тягой к зашифрованности оказывается поднадзорной. И более того, Интернет практически совершает замещение различных государственных структур – почты, банка, правительства и проч. Этот процесс лучше всего может быть уместным в условиях «лесных» умных городов. Интернет подводит к тому, чтобы совершалось замещение власти посредством интернет-пространства. Но власть не может отказаться от самой себя, и потому сообщаемость с «народом» претерпевает изменения. То есть телекоммуникации способствуют переходу от централизованной власти к самоуправлению народа.

Список литературы

1. *Азаренко С.* Коммуникация // Современный философский словарь. М. : Акад. проект, 2004. С. 312–315.
2. *Бибихин В.* Лес (hyle). СПб. : Наука, 2011. 425 с.
3. *Видадь-Накэ П.* Черный охотник. М. : Ладомир, 2001. 419 с.
4. *Волкова П.* Мост через бездну. Заметки к античности. М. : АСТ, 2015. 416 с.
5. *Делёз Ж. Г. Ф.* Логика смысла. М. : Алетейя, 1998. 288 с.
6. *Делёз Ж. Г. Ф.* Что такое философия? М. : Алетейя, 1998. 288 с.

7. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск : Логвинов, 2004. 271 с.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 379 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Алетея, 1998. 310 с.
10. Хайдеггер М. О «линии» // Судьба нигилизма. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 7–64.
11. Флоренский П. Из истории античной философии. М. : Акад. проект, 2015. 524 с.

Forest and a City: Territorialization and Communication

S. A. Azarenko

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

Abstract. The article is devoted to the topological relation of forest (hyle) and a city. This is a type of «territorialization – deterritorialization – reterritorialization» relation (Deleuze – Guattari). A territory is constituted under the influence of social communication. The process of reproduction of conjointness occurs during the regular bodily interaction between people through certain social practices. In ancient Greece a city took some space from the forest, forming a favorable environment for creating a pure communicational area. Current ecological issues demand the reverse necessity – to green up cities with forests, meantime the efficient power of social network can be achieved by modern systems of electronic communication. Facilities installation and constructing “smart cities” is quite conceivable, taking into account huge spaces of the Russian woodland. Autonomic management implies participation of the residents in managing outdoor activities, the areal life and ultimately the city life. Moreover, the Internet actually substitutes a number of government agencies – postal service, banks, government itself and other bodies. These substitutions could be most appropriate in the setting of “forest” smart cities. The Internet leads to power substitution through the World Wide Web. A government cannot step back though, and its communication with people will suffer changes. That is to say, telecommunications facilitate the transition from centralized power to autonomous power of people.

Keywords: Territorialization, deterritorialization, reterritorialization, forest (gile), city, social communication, being-in-communication.

For citation: Azarenko S.A. Forest and a City: Territorialization and Communication. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2018, vol. 23, pp. 23-31. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.23> (in Russian)

References

1. Azarenko S. Kommunikatsiya [Communication]. *Sovremennyy filosofskiy slovar* [Modern Philosophical Dictionary]. Moscow, Academic Project Publ., 2004, pp. 312-315. (in Russian)
2. Bibikhin V. *Les (hyle)* [Forest (Hyle)]. St. Petersburg, Science Publ., 2011, 425 p. (in Russian)
3. Vidal-Naquet P. *Chernyy ohotnik* [The Black Hunter]. Moscow, Lodomir Publ., 2001, 419 p. (in Russian)
4. Volkova P. *Most cherez bezdnu. Zametki k antichnosti* [The Bridge over the Abyss. Note to Antiquity]. Moscow, AST Publ., 2015, 416 p. (in Russian)
5. Deleuze G. *Logika smysla* [The Logic of Sense]. Moscow, Aleteyya Publ., 1998, 288 p. (in Russian)
6. Deleuze G. F. *Guattari. Chto takoe filosofiya?* [What is Philosophy?]. Moscow, Aleteyya Publ., 1998, 288 p. (in Russian)
7. Nancy J. L. *Byitie edinichnoe mnozhestvennoe* [The Being Singular Plural]. Minsk, Logvino Publ., 2004, 271 p. (in Russian)

8. Habermas J. Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie [The Moral Consciousness and Communicative Action]. St. Petersburg, Science Publ., 2000, 379 p. (in Russian)
9. Heidegger M. Byitie i vremya [Being and Time]. Moscow, Aleteyya Publ., 1998, 310 p. (in Russian)
10. Heidegger M. O «linii» [About «the line»]. *The fate of nihilism: Ernst Jünger and Martin Heidegger, Dietmar Kamper, Gunter final*. St. Petersburg, Publishing house of the St. Petersburg University. Univ. Publ., 2006, pp. 7-64. (in Russian)
11. Florensky P. Iz istorii antichnoy filosofii [From the history of ancient philosophy]. Moscow, Academic Project Publ., 2015, 524 p. (in Russian)

Азаренко Сергей Александрович

*доктор философских наук, профессор,
кафедра социальной философии,
философский факультет
Уральский федеральный университет
им. первого Президента Б. Н. Ельцина
Российская Федерация, 620026,
г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
тел. 8(909)0037007
e-mail: sergey_azarenko@mail.ru*

Azarenko Sergey Aleksandrovich

*Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Department of Social Philosophy,
Faculty of Philosophy
Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin
51, Lenin av., Ekaterinburg, 620026, Russian
Federation
tel. 8(909)0037007
e-mail: sergey_azarenko@mail.ru*